

10/09/2003

Чаш

Чаш

10/09/2003

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70519798
SelfPub; 2024*

Аннотация

Про зудящую боль проживания собственной жизни и принятие существования этой боли.

Чаш

10/09/2003

Рассказ написан для конкурса "Визжу-Пишу" группы "ЧЕМОДАНЪ" (https://vk.com/chemodan_crew) по иллюстрации Сергея Захарова (https://vk.com/zakharov_art).

Спустя почти четыре часа кручение педалей под палящим послеполуденным солнцем давалось с трудом. Примерно каждые полчаса Ева позволяла себе немного отдышаться и, оставляя велосипед воле расшатанной подножки, прикладывалась к горлышку пластмассовой бутылки. Насыщаться приходилось крайне экономными глотками воды, поскольку в подготовке к долгой дороге дальновидности хватило лишь на скромный литр живительной влаги и половину позавчерашнего багета.

Утомленный взгляд неотрывно следил за необъятным горизонтом, где вдалеке виднелась огромная выбивающаяся из картины перевернутая пирамида с исходящей от нее тонкой ветряной воронкой. Кажущаяся неподвижной издали, она напоминала чрезвычайно узкое торнадо и словно штыком упиралась в землю.

Объятые усталостью ноги не стремились останавливаться.

Напротив – вложить еще больше силы, ускориться, но наконец достигнуть таинственное нечто, не покидающее ее уже слишком долго, чтобы продолжать игнорировать его.

Пирамида являлась проблемой. Невообразимо большой повисшей в воздухе проблемой, что отбрасывала свою мрачную тень на всю жизнь, ломая ее изнутри неосторожными словами, когда Ева впервые заметила ее еще совсем крошечным неопознанным объектом.

Она продолжала ехать с дурацким рюкзаком с плюшевой кошачьей головой, невзирая на горящие икры, стекающий по лицу пот и мокрую прилипшую к телу одежду, в то время как воспоминания, обращаясь материнским голосом, безжалостно вгоняли ее в прошлое:

– Я хочу отвести ее к психиатру, – шепот – жалобный и взволнованный одновременно, едва не срывающийся полноценным плачем, раздавался слишком громко, чтобы суметь просто не обращать внимание. В тот вечер Ева сидела в соседней комнате, погруженная в непривычную для нее тишину и вслушивалась в родительские голоса, что верховными судьями высились над ее опрометчивыми высказываниями.

– Не носи чепухи. Она в полном порядке.

– У нее галлюцинации, Андрей! – она вновь едва не сорвалась, рассеивая шепот на произношении отцовского имени.

– А ты так и ждешь, чтоб ее чокнутой звали? Чтоб над нами весь город смеялся из-за ее попыток привлечь внимание? Да ты сама чокнутая в таком случае, – отец говорить тише даже не стремился, и сталь его голоса, разбавляющая шаткую тишину в квартире, почти насильно выловила его образ из памяти Евы. Она почти безошибочно могла описать, с каким взглядом он смотрел на мать, как та стушевалась перед его недовольно сдвинутыми бровями и безмолвно отступила, как делала это всегда.

Тогда об этом случае постарались забыть все, кроме самой Евы, в реальности которой пирамида неустанно преследовала ее дома и на учебе; в разных городах, находящихся слишком далеко друг от друга, чтобы картина оставалась абсолютно неизменной. Подобно раковой опухоли, она постепенно росла, меняя форму с пирамиды на куб, с куба – на раздувшийся в еще большие размеры и словно сотканный из хрусталия пузырь.

Парящее в воздухе нечто напоминало необъятный и не поддающийся логике организм, дышащий и живущий свою противоречивую жизнь под непрерывным надзором своей единственной зрительницы.

До тех пор, пока не выяснилось, – не замечали пирамиду лишь те, кто хотел ее не замечать.

К этому моменту она, смерчем уткнувшись в землю, вырослась настолько, что грозилась вот-вот коснуться солнца.

Теперь, когда Ева не говорила никому о своей проблеме ни слова, ее стал замечать едва ли ни каждый житель города, словно существование пирамиды отражалось в темных кругах под глазами и впавших щеках, а сама она стала частью ее личности, скрывать которую уже не представлялось возможным.

И хотя отныне таинственное нечто видели, казалось, что вспоминали о нем только в присутствии Евы. Ни один знакомый ей человек не мог достичь его, никто из них даже не стремился, точно его это никоим образом не касалось.

Зато все как один твердили:

– Надо бы тебе взглянуть на эту штуку, Ева.

Тщась достигнуть пресловутую пирамиду, она готова была стереть велосипедные шины в труху, и с усилием куда большим, нежели в начале, продолжала крутить педали. Мо-

жет, никому до сих пор и не удавалось добраться до этого места, потому как сил и страсти отчаянно не хватало?

Впереди, спустя километры однотипной дороги, появился спуск крутой настолько, что Ева непроизвольно затормозила, и прежде чем возобновить езду, медленно слезла с велосипеда.

Покрасневшее лицо горело, а мышцы ног продолжали болеть не меньше, чем если бы она продолжала соревноваться в скорости со звуком.

Блуждающий взгляд упал на колеса велосипеда и задержался на заднем. Пропуская воздух, оно стремительно сдувалось прямо на ее глазах.

– Замечательно, – только и промолвила Ева, оглядывая погибшую покрышку. Резкое торможение уже играло с ее велосипедом злую шутку, и хотя она зареклась быть неаккуратной, вскоре все вернулось на свои места.

Прежде чем уйти, она вновь взглянула в небо. Плающее бледно-желтым светом нечто снова пустилось в метаморфозы и, переливаясь уже новыми цветами, его сияние, пробивающееся сквозь стенки пирамиды, завораживало.

Воронка то утончалась, грозясь иссякнуть окончательно, то расширялась настолько, что казалось, будто горячий песок взмывал вверх рядом с Евой.

Она отступила на несколько шагов и бросила взгляд на искалеченный велосипед:

– Ну, ладно.

Подогнув подножку в прежнее положение, она оттащила велосипед подальше в густые кусты и отправилась вперед уже пешком.

Ступая дальше, она заметила впереди у дороги небольшую табличку, так сильно напоминающую ту, что с непокидающей губы ухмылкой криво прибила к двери ее комнаты близкая подруга.

«DEAD ZONE» – кричала деревянная дощечка, в очередной раз побуждая Еву к размышлениям о здравости собственного рассудка.

Она на секунду остановилась возле нее; кончики пальцев устремились к надписи, провели по ней, стараясь сопоставить то, что она видела с тем, что чувствовала.

Тот же размер и форма, те же потертости, будто ловкий невидимый вор прокрался в родительский дом и украл злощастную табличку.

Ева терпеливо продолжала путь, когда бросила скучающий взгляд на опрокинутый велосипед, напоминающий ее собственный.

Кто-то неподвижный лежал рядом с ним. Кто-то, чье тело совершенно не шевелилось, и чья одежда чересчур напоминала одежду Евы.

На ватных ногах и с мелькающим опасением в глазах она медленно двинулась дальше от лежащей на земле незнакомки.

Дальше второй, лежащей с неестественно повернутой шеей уже без велосипеда и с чертами лица слишком хорошо освещенными, чтобы продолжать отрицать очевидное сходство с собой.

Дальше третьей, чье изувеченное мертвое тело вынудило Еву ускориться.

Бежать после нескольких часов езды оказалось трудно, но еще труднее – хладнокровно идти вперед, не обращая вни-

мания на трупы своих же двойников, разбросанных на дороге.

Ева не сумела сосчитать их все, зато находила в себе еще больше силы с каждым опрометчиво брошенным взглядом на дорогу. И с глазами, заслоненными слезами, она не заметила, как успела миновать мертвую зону.

По мере приближения вихрь сужался, в то время как сама пирамида продолжала расти до тех пор, пока ее кончик не уперся в измученную смерчем землю.

Пыль еще не успела осесть, когда Ева наконец подошла к месту.

Это существо – вязкая субстанция, обволакивающая все ее тело, приняло ее в самое свое сердце с завидным радушием, и первые несколько секунд она не чувствовала ничего, пока холодный осенний ветер не сомкнулся вокруг нее нежностью потерянных воспоминаний, успокаивая после длительного жаркого пути; призывая ее вспомнить долгие вечерние прогулки под конец сентября, когда жар солнца уже отступил, а листья – пожелтевшие и скукоженные – хрустели под ногами, сопровождая разговорам обо всем на свете.

На мгновение Еве почудилось, что даже дышится здесь

легче, что за каждую минуту невыносимого сосуществования с пирамидой она наконец вознаграждена и способна бороться за глоток свежего воздуха и сдувающие тревогу ветра.

Она почувствовала, как окружающее ее нечто принялось сжиматься вокруг нее, стремясь к нулю, словно она – точка, вытягивающая в себя вещество, составляющее всю пирамиду, и с каждой минувшей секундой Ева ощущала близкое освобождение.

Она знала: еще несколько мгновений, и от таинственной громады не останется и следа, кроме того, что она запечатлела в своем сердце.

Потому как пирамида столь же реальна, сколь реальна ее боль.